

ГАМЕРМАН Ю.В.¹, КИРЕЕВА Н.В.² МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА КАК КЛЮЧ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДУХОВНОГО ПУТИ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В ПОЭМЕ ЛЕОНИДА ЗАВАЛЬНЮКА «В ПУТИ» (1956)[©]

Аннотация. Статья посвящена анализу мифологической символики в поэме Л. Завальнюка «В пути» и ее роли в раскрытии духовной эволюции главного героя. Авторы исследуют архетипические образы, такие как путь, конь, мировое древо, а также природные и временные символы, демонстрируя их связь с внутренним миром героя. Особое внимание уделяется взаимодействию «горизонтального» и «вертикального» путей, отражающих физическое и духовное движение героя. В работе подчеркивается, что мифологическая символика служит инструментом для передачи вечных ценностей и включения произведения в широкий культурный контекст. Исследование позволяет глубже понять проблематику становления личности и выбора жизненного пути в творчестве Завальнюка.

Ключевые слова: мифологическая символика; Леонид Завальнюк; поэма «В пути»; художественный мир, мифопоэтика; архетипы; главный герой; литература XX века.

Для цитирования: Гамерман Ю.В., Киреева Н.В. Мифологическая символика как ключ к интерпретации духовного пути главного героя в поэме Леонида Завальнюка «В пути» (1956) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2026. – № 2. – С. 151–161. – DOI: 10.31249/lit/2026.02.09

¹ Гамерман Юлия Владимировна – независимый исследователь; yu.gamerman@rambler.ru

² Киреева Наталия Владимировна – доктор филологических наук, проректор по научной работе Благовещенского государственного педагогического университета; stonerk@mail.ru

© Гамерман Ю.В., Киреева Н.В., 2026

Поступила: 27.06.2025

Принята к печати: 03.03.2026

GAMERMAN J.V.¹, KIREEVA N.V.² Mythological symbolism as a key to interpreting the spiritual journey of the protagonist in L. Zavalnyuk's poem *On the Way* (1956)[©]

Abstract. This article examines the mythological symbolism in L. Zavalnyuk's poem *On the Way* and its role in revealing the spiritual evolution of the protagonist. The authors analyse archetypal images such as the path, the horse, and the world tree, as well as natural and temporal symbols, demonstrating their connection to the protagonist's inner world. Particular attention is paid to the interplay between horizontal and vertical paths, reflecting the protagonist's physical and spiritual journey. The study argues that mythological symbolism serves as a vehicle for conveying eternal values and situating the work within a broader cultural context. The research provides a deeper insight into the themes of personal growth and life choices in Zavalnyuk's writing.

Keywords: mythological symbolism; Leonid Zavalnyuk; the poem *On the Way*; artistic world; mythopoetics; archetypes; protagonist; twentieth-century literature.

To cite this article: Gamerman, Julia V., Kireeva, Natalia V. "Mythological symbolism as a key to interpreting the spiritual journey of the protagonist in L. Zavalnyuk's poem *On the Way* (1956)", *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 2, 2026, pp. 151–161. DOI: 10.31249/lit/2026.02.09 (In Russian)

Received: 27.06.2025

Accepted: 03.03.2026

Литература XX века развивалась как диалог разноречивых художественных сознаний, что стало следствием сложности и хаотичности исторического времени. Одним из способов борьбы с хаосом жизни становилось обращение к мифологической модели мира, позволяющее восстановить исходные духовные ценности. В этой связи Р. Барт очень верно заметил: «<...> мифология способствует преобразованию мира <...> мифология несомненно есть способ быть в согласии <выделено – Р.Б.> с миром – не с тем, ка-

¹ **Gamerman Julia Vladimirovna** – independent scholar; yu.gamerman@rambler.ru

² **Kireeva Natalia Vladimirovna** – Doctor of Philological Sciences, Vice-Rector for Research, Blagoveshchensk State Pedagogical University; stonerk@mail.ru

© Gamerman J.V., Kireeva N.V., 2026

ков он есть, а с тем, каким он хочет себя сделать» [Барт, 1996, с. 283–284].

Исходя из представления о том, что «художественный мир литературного произведения всегда мифологичен» [Лейдерман, 2002, с. 13–14], в произведении могут мифологизироваться главные или второстепенные персонажи, события, а также то, что помогает расширить и углубить границы прочтения того или иного произведения – символика. Роль символики огромна, благодаря ей автор поднимается над бытописанием, ведь «символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и <...> он есть знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа» [Аверинцев, 2001, стб. 976].

Значение мифологического символа возрастает в силу множественности его семантических прочтений, как авторских, так и читательских, но даже автор не всегда осмысливает все уровни вводимого символа в силу его архетипичности. В этом смысле интересно проанализировать поэму Л. Завальнюка «В пути» (1956). В творчестве этого писателя присутствует целый пласт мифологических символов. Несомненно, эта проблема заслуживает специального рассмотрения¹, однако в рамках данной работы мы подробно остановимся лишь на рассмотрении мифологической символики поэмы «В пути». При этом мы будем иметь в виду, в первую очередь, мифологию славянскую, хотя, безусловно, для всех мифологических систем характерны общие архетипические образы.

Символично название поэмы – «В пути», как обозначение пространственно-временных рамок развития действия. Созданный в поэме образ пути восходит к его мифопоэтическому архетипу, который маркируется четырьмя обязательными элементами: отмеченностью начала и конца, наличием испытаний, изменением внешности главного героя, цикличностью [Топоров, 1994].

Традиционно началом пути в мифах выступает дом героя, чья характеристика либо отсутствует, либо представлена схематично. Путь в поэме начинается с родного города главного героя, описание которого передается с помощью деталей: «стандартный вокзал», «зелёный киоск “Пиво и вода”», «водокачка с флюгером красивым», «на шпиле – конь» [Завальнюк, 1956, с. 33]. Городок

¹ Отдельные ее аспекты представлены, например, в работе: [Гавриленко, Киреева, 2025].

не назван, читателю известно только, что он расположен где-то в Алтайском крае.

Конец пути в мифах связан, как правило, с достижением цели путешествия, того места, где находятся сакральные ценности мира. Параллель с ранее обозначенным архетипом пути мы обнаруживаем и в поэме Л. Завальнюка, где герой в конце концов обретает личностно-значимые ценности, понимает, что главное в мире – гармония с самим собой, осознание истинного предназначения.

Важной особенностью поэмы является и изменение облика главного героя, которое может прочитываться в контексте мифопоэтики – как «временные (обычно характерные для богов и других высших мифологических существ) и постоянные (более характерные для человека или его души)...» метаморфозы внешности [Иванов, 1994, с. 148]. В начале поэмы в описании облика героя автор подчеркивает ряд деталей: «нескладнейший детина», «пара рук, как два весла» и «рыжая щетина / На месте шевелюры проросла...» [Завальнюк, 1956, с. 43]. Согласно представлениям древних славян, герои перед путешествием должны остригать волосы в знак начала нового пути. Отсутствие шевелюры у главного персонажа поэмы может восприниматься как отголосок этой традиции. Следует отметить, что деталь «руки, как два весла» свидетельствует не только о нескладности героя, но и указывает на его принадлежность к простым трудягам, ведь весло – мифологический символ «производительной деятельности» [Тресиддер, 1999, с. 38]. Не случайно в поэме обозначено, что герой «всей болью ссадин постигал секрет / Сурового слесарного искусства» [Завальнюк, 1956, с. 42]. Но нескладность внешности героя поэмы обусловлена не столько занятиями во внешнем мире, сколько его внутренней дисгармоничностью, переданной с помощью значимых деталей: Завальнюк подчеркивает «немость» героя и его «боязнь зеркал»¹.

По мысли автора, обретенная на жизненном пути красота души, преобразуя внутренний мир, меняет человека. Не случайно в финале поэмы знаком внутренних перемен выступает перемена внешнего облика главного героя: «Вот он шагает, словно влитый в вечер, / Огнём лучей закатных осиян. / И вижу я – / Нескладность

¹ Согласно мифологическим традициям, зеркало является отражением человеческой души, и боязнь зеркал героем может свидетельствовать о его страхе разобраться в себе, неготовности разглядеть истинные побуждения, которые движут им на жизненном пути.

вышла в плечи, / Широкие, как Тихий океан» [Завальнюк, 1956, с. 101]. Художественной деталью, подчеркивающей духовный рост, гармонию мироощущения и единение с природой становится метафора «влитости» героя «в вечер». Знаком благословения, одобрения пройденного пути свыше выступает его осиянность лучами солнца. Налицо динамика образа – из нескладного юноши в начале поэмы – к герою, о котором сказано: «Идёт своей дорогой по планете / Невиданно красивый человек» [Завальнюк, 1956, с. 102].

Меняется не только тональность в описании героя – появляется новое символическое осмысление. Фраза «нескладность вышла в плечи / Широкие, как Тихий океан» помогает обратиться к мифу о творении мира из тела человека. Плечи героя теперь – «океан», и он уже не странник, путешествующий по морю жизни (руки – «вёсла»), он сам – воплощение жизни. Закончился важный этап в судьбе – герой обрел цельность, зрелость, гармонию внутреннего мира. Чрезвычайно значимой предстает фраза «годы легли на сердце кладом» [Завальнюк, 1956, с. 102], отсылающая к фразеологизму «лежать на сердце камнем». Клад – это те же камни, только драгоценные, что не отменяет их тяжести. Но в данном случае тяжесть – благая: испытания закалили волю, переживания превратили героя в думающего человека.

Символично и отсутствие имени у главного персонажа поэмы «В пути». Возможно, так автор стремится подчеркнуть неприметность персонажа, еще не обретшего внутренней целостности в начале поэмы. Допустимо и другое прочтение: возможно, автор изобразил «типического героя в типических обстоятельствах», чтобы читатель смог соотнести его со своей жизнью, судьбой, личностью. Как бы там ни было, отсутствие имени – важный фактор, продуцирующий читательскую активность в восприятии поэмы.

Неотъемлемым элементом судьбы героя в мифе являются многочисленные испытания на пути к самопознанию. Для героя поэмы Завальнюка такими испытаниями выступают 1) попытка поступить в медицинский институт, 2) работа в театре, 3) потеря возлюбленной, 4) служба в армии.

Герой поэмы с самого начала готов активно бороться за свое место в жизни: «Завтра я уйду навстречу бою / По дороге схваток и атак, / Чтоб на ней померяться с судьбою...» [Завальнюк, 1956, с. 32]. Как и герой мифов, главный герой поэмы Завальнюка тоже возвращается домой, в родной город, победителем в нелегкой борьбе с самим собой.

С самого начала поэмы путь задается как мифологема жизненного и духовного движения героя. Необходимо отметить, что в мифах путь может проходить как в горизонтальном (передвижение физическое), так и в вертикальном (передвижение духовное, астральное) направлениях. В поэме Л. Завальнюка наблюдаются сходные пространственные решения. Вертикальный путь – сакральный – к небу, это путь души; горизонтальный путь представлен схемой: родной город – чужой город – армия – родной город. Путешествуя в пространстве, главный герой поэмы одновременно обретает себя и на вертикальном пути, так как без пространственных перемещений (мединститут, театр, армейский взвод) как этапов жизненного пути не было бы и личностного роста героя. Для мифа подобное совмещение горизонтального и вертикального направлений пути, как правило, не характерно – миф иллюстрирует изначальные качества героя. Литературу же больше интересует духовная эволюция человека, поэтому такое совмещение для нее становится правилом.

Духовная эволюция героя поэмы Завальнюка – это результат его усилий по изменению своей судьбы. Изначально эти усилия обусловлены ложными побуждениями, что приводит героя к неудачам. Так, стремясь стать врачом, герой поэмы жаждет успеха и признания, представляя в фантазиях «залу, залитую / Огнями люстр», где его приветствуют аплодисментами [Завальнюк, 1956, с. 51]. Ложные внутренние устремления не могут привести к верному выбору – и герой не проходит по конкурсу в мединститут. То же самое повторяется, когда герой устраивается на работу в театр, где мечтает стать как «...Шаляпин и Мочалов / В одном лице» [Завальнюк, 1956, с. 81]. Парадоксально, но именно служба в армии – вынужденный поворот судьбы, а не осознанное решение – приводит героя к обретению истинного смысла жизни: «Тот трудный день, / Который завтра будет, / Впервые в жизни / Нравится ему» [Завальнюк, 1956, с. 87].

Таким образом, первоначальные неудачи героя на выбранном пути связаны с тем, что он, не разобравшись в себе, своих истинных побуждениях, пытается стать активным созидателем собственной судьбы. И лишь приняв обстоятельства, начинает слышать голос очистившегося от корысти и злости сердца. Следуя воле судьбы, бессознательно влекомый ею, герой принимает верное решение, осознает свое предназначение и возвращается к истоку – в родной город, но уже другим человеком – истинным творцом своей судьбы.

Помимо названия поэмы, весьма символична и группа деталей текста, моделирующих его пространственную структуру. Например, конь на шпиле водокачки, появляющийся уже в начале поэмы как одна из знаковых деталей, обозначающих родное пространство героя: «И водокачка с флюгером красивым: / На шпиле – конь, / Который, по веленью / Степных ветров, вертелся, говорят, / А ныне, по причине заржавленья, / На север скачет много лет подряд» [Завальнюк, 1956, с. 34].

По свидетельству исследователей, конь в представлении древних славян сливается «то с богом солнца, то с образом конного воина» и выступает «излюбленным мотивом древнего искусства» [Любимов, 1974, с. 91]. С этим связана и традиция венчать кровлю дома резной головой коня как символа светлых сил для защиты от злых чар. Конь на шпиле водокачки в поэме Завальнюка защищает город, который герой покидает, признаваясь: «Ненавизу этот скучный город, / Пыльное спокойствие его!» [Завальнюк, 1956, с. 32]. Одновременно образ коня на шпиле передает стремление героя двигаться не только вперед, но и вверх («вертикальный путь» в мифологии). Но конь заржавел, застрял в одном направлении, что может символизировать неверный выбор пути героем поэмы, поначалу упрямо стремившимся к самоутверждению вопреки своему призванию.

Еще одной моделирующей пространственную структуру текста деталью является растущая на площади в родном городе героя «надколота молнией сосна», что «вечно глухо стонет» [Завальнюк, 1956, с. 34]. Центральным образом мифологической картины мироздания является мировое дерево, воплощающее модель мира: вершина, ветви – небо; ствол – земля и сопутствующая ей жизнь; корни – преисподняя. В славянской мифологии конкретным воплощением этого образа могла выступать сосна. Расщепленное молнией дерево в славянских мифах – символ постоянной борьбы возвышенного начала, олицетворяемого Перуном (богом грозы), и приземленного, воплощенного в Велесе (боге скота) [Иванов, Топоров, 1994, с. 450]. Возможно, используя образ «надколотой молнией сосны», автор стремится передать амбивалентность устремлений героя поэмы, поставленного перед трудным выбором: оставаться жить в родном городе или пускаться в путь в поисках иной судьбы?

Художественное время поэмы задается с помощью смены времен года в соответствии с мифологической цикличностью времени: «Багрец листвы истлел и стал навозом, / Прошла зима, мете-

лями пыли, / Весна промчалась, щедрая на грозы, / И летний плод свой выдала земля. / И снова осень поздняя крадётся, / И снова крупка снежная сечёт...» [Завальнюк, 1956, с. 87]. Цикличность построения сюжета позволяет передать взаимодействие судьбы главного героя поэмы и природы. Временную структуру текста характеризуют также детали «ночь» и «темным-темно», каждая из которых по-своему символична. «Темным-темно» – символ неясности, неустойчивости жизненной позиции героя, таящий возможные, даже взаимоисключающие, варианты развития жизненного сюжета. Ночь выступает в двух ипостасях. С одной стороны, она предстает как стихийная, дисгармоничная и загадочная сила; как первооснова бытия, поскольку тьма, ее воплощение, есть то, из чего рождается существование. В то же время ночь способствует глубокому, лишенному дневной суеты осмыслению действительности и принятию решений. Герой не испытывает страха перед ней, так как она отражает его внутреннюю сущность: в его душе царит хаос, нет умиротворения, лишь стремление перейти на новый уровень бытия.

Поэтому вполне естественным является присутствие в поэме оппозиций «ночь – день», «тьма – свет» как координат жизненного пути героя, его душевного становления – от внутренней дисгармонии к душевному умиротворению, осознанию своего места в этом мире, обретению света как воплощения гармонии, разума, совершенства: «Ему казалось, / Охромело время, / Ему казалось, / Ночь продлится век. / И не успел, по-августовски жидкий, / Рассвет прильнуть к оконному стеклу, / Он сгрёб свои нехитрые пожитки, / И зашагал в предутреннюю мглу. / Упругий ветер ринулся навстречу, / Росой зари пропитанный уже. / Он шёл и шёл. / И расправлялись плечи, / И легче становилось на душе» [Завальнюк, 1956, с. 48–49].

В символическом контексте прочитываются и пейзажные детали поэмы: они не только выступают элементами сюжета, но и позволяют передать душевное состояние персонажа. Л. Завальнюк не просто одушевляет природу – следуя мифологической традиции, он подчеркивает синкретизм микрокосма и макрокосма, неразрывную связь человека и мира: «...И со сна, / О грунт споткнувшись слепо, / Ветер вдруг ударил в небосвод. / Приступ астмы покоробил небо, / Чуть отхлынул, вновь окреп, / И вот – / Только туч распластанные гроздья, / Только пыли выюжные столбы... / Душное, безмолвное предгрозье / Вдруг над миром стало на дыбы. / В грохот грома, / Как в зубовный скрежет, / Вековую боль

свою вложив, / Небо полыхающее режут / Молний раскалённые ножи!...» [Завальнюк, 1956, с. 32].

Картина «утра человеческой судьбы» разворачивается у Завальнюка через динамику природных явлений. Пространство организуется по вертикали: от земли («О грунт споткнувшись слепо») – стремительный взлет ввысь, к небосводу, куда «ударил» ветер. Эта вертикальная ось «земля – небо», одна из ключевых оппозиций в мифологической картине мира, становится здесь осью судьбы. Мощь стихии («предгрозье... стало на дыбы», «грохот грома», пылающее небо) создает почти апокалиптический образ. Связь между природными явлениями и человеческим состоянием подчеркивается использованием медицинской терминологии («астма», «боль», «зубовный скрежет»), что придает описанию черты болезненного напряжения. В этой картине природной стихии проступает сопричастность мироздания внутреннему миру героя: «предгрозье» становится не просто фоном, а знаком грядущих перемен в его душе. Сама жизнь осмысливается как стихия, которой предстоит противостоять, и в этом смысле частная история героя обретает универсальное, почти космическое звучание.

Примером синкретизма человека и природы может послужить и образ лебеды в начале произведения: «...Лебеда, растение задворок, / Тянет к небу пыльную листву...» [Завальнюк, 1956, с. 29]. Эта фраза задает тон всей поэме. Лебеда символически передает состояние души главного героя. Несмотря на пыльную листву (словно знак запыленности души героя под гнетом свалившихся на него в детстве бед), лебеда рвется к обновлению, тянется к небу. Так и герой: его порыв, его мечта – это тоже движение ввысь, прорастание сквозь собственную боль. Мир откликается ему – и в этом отклике герой обретает себя как часть целого.

Присутствие мифологической символики в поэме несомненно, но следует отметить и тот факт, что автор, используя механизм создания мифологического символа, вводит в текст собственную символику, не менее значимую. Примером может послужить созданное героем пожарное ведро, выступающее в тексте символом стержня человеческой личности. Это – первый блин, не ставший комом благодаря природному таланту героя. Каждое следующее изделие свидетельствовало о росте мастерства слесаря воинской части. На поприще простого рабочего герой приобрел настоящую славу, о которой так долго мечтал: «Он делал удивительные вещи, / Используя подручный материал. / Всё под рукой горело и крутилось, / В зубах тисков, / На шпинделе станка, / И слава, / слава, /

слава покатилась / По тесной территории полка» [Завальнюк, 1956, с. 89].

Герой выстоял в единоборстве с самим собой благодаря приобретенному на жизненном пути стержню: пониманию того, что имеет истинную ценность, а что, по сути, не важно. Он не стал ни врачом, ни артистом, но спас, хоть и косвенно, не одну жизнь, добился заслуженного признания своими добрыми делами. Возвращение героя в родной город в финале поэмы связано не только с идеей циклического завершения одного из этапов его судьбы. В таком сюжетном повороте звучит своего рода предостережение вступающему в жизнь: не поддаваться миражам, не думать о прошлых обидах, а стремиться к новому с чистым сердцем. Когда главный герой поэмы приходит к пониманию этого, находит свое истинное предназначение в мире, он обретает гармонию и счастье.

Таким образом, центральной в поэме «В пути» является проблема становления личности, выбора правильного пути, духовного роста. Она, на наш взгляд, определяет проблематику всего творчества Л. Завальнюка. Обращаясь к ней в произведениях разных жанров (повестях, драме, стихотворениях, поэмах, песнях), писатель использует различные художественные средства. В поэме «В пути» одним из таких средств становится символика, причем символика мифологическая или созданная в соответствии с законами мифопоэтики. Именно в категориях мифологической картины мира осмысливается образ главного героя поэмы как рождение «нового» человека, творца. Обращение Л. Завальнюка к мифологической символике значимо в двух измерениях. С одной стороны, оно отвечает магистральной тенденции литературы XX в., искавшей в мифе опору для постижения вечных истин. С другой стороны, вписывается в конкретный исторический контекст эпохи формирования советской мифологии с ее пафосом труда и образа человека-труженика. В этом смысле мифологическая символика становится для поэта тем ключом, который позволяет вписать индивидуальную историю духовного пути героя в общечеловеческий контекст, сделав ее частью большого разговора о человеке, его предназначении и вечных законах бытия.

Список литературы

Аверинцев С.С. Символ // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – Москва : Интелвак, 2001. – Стб. 976–978.

Мифологическая символика как ключ к интерпретации духовного пути главного героя в поэме Леонида Завальнюка «В пути» (1956)

Барт Р. Мифологии / пер с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. – Москва : Издательство им. Сабашниковых, 1996. – 313 с.

Гавриленко В.Д., Киреева Н.В. Роль баллады в формировании художественной манеры Леонида Завальнюка // Дальневосточный филологический журнал. – 2025. – Т. 3, № 2. – С. 10–22.

Завальнюк Л. В пути // Завальнюк Л. За отступающим горизонтом : баллады и поэма. – Благовещенск : Амурское книжное издательство, 1956. – 103 с.

Иванов В.В. Метаморфозы // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. – Москва : Рос. энциклопедия, 1994. – Т. 2. – С. 147–149.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. – Москва : Рос. энциклопедия, 1994. – Т. 2. – С. 450–456.

Лейдерман Н. Траектории «экспериментирующей эпохи» // Вопросы литературы. – 2002. – № 4. – С. 3–47.

Любимов Л.Д. Искусство Древней Руси : книга для чтения. – Москва : Просвещение, 1974. – 333 с.

Топоров В.Н. Путь // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. – Москва : Рос. энциклопедия, 1994. – Т. 2. – С. 352–353.

Тресиддер Дж. Словарь символов. – Москва : Гранд : Фаир-Пресс, 1999. – 443 с.